

0- 744427

На провах рукописи

ЛЕТАЕВА Наталья Викторовна

**МОЛОДАЯ ЭМИГРАНТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА 1930-х ГОДОВ:
ПРОЗА НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ЧИСЛА»**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук**

МОСКВА 2003

Работа выполнена в Отделе литературоведения Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук

Научный руководитель: академик РАН,
доктор филологических наук

Александр Николаевич
НИКОЛЮКИН

Официальные оппоненты:
доктор филологических наук

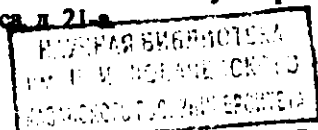
Алексей Иванович
ЧАГИН

кандидат филологических наук,
доцент

Ирина Юрьевна
СИМАЧЕВА

Ведущая организация – Российский университет дружбы народов

Защита состоится «11» декабря 2003 г. в 15 часов на заседании диссертационного совета Д 212.155.01 по литературоведению в Московском государственном областном университете по адресу: 105005, г. Москва, ул. Ф.Энгельса, д. 21-а

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московского государственного областного университета по адресу: 105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10-а.

Атестат разослан «9» ноября 2003 года

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА МГОУ

0000028263

диссертационного совета,
филологических наук, профессор

Т.К. Батурова

События 1917 года и последовавшая за ними гражданская война в России привели к тому, что значительное число её талантливых деятелей культуры покинуло страну. Оказавшись за пределами родины, русские эмигранты организовывали литературные центры, издательства, работали над выпуском многочисленных газет и журналов. Творческая жизнь русского зарубежья отразилась в периодической печати многих европейских городов. Именно журналистика служила организующим центром для политических и общественных сил, сформировавшихся в среде русских эмигрантов, «явилась хранилищем зарубежной русской литературы, русской культуры» (А.Седых), наиболее полно отражала общественные запросы русского зарубежья. В каждом органе печати, на сколько-нибудь продолжительное время выходившем, оформлялись свои политические идеи, литературные мнения, общественные взгляды.

Систематическое исследование литературной периодики русского зарубежья - одна из наиболее актуальных задач изучения русской культуры. В 1953 году в Мюнхене вышел «Указатель периодических изданий эмиграции из России и СССР за 1919-1952 годы». В настоящее время этой работой занимается Институт мировой литературы и Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, выпустивший «Литературную энциклопедию русского зарубежья» (1997-2002), второй том которой отведен периодике русского зарубежья; Российская государственная библиотека, издавшая «Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий русского зарубежья в библиотеках Москвы» (1999); Российская национальная библиотека в Санкт-Петербурге, составившая в 1993 году «Сводный каталог русских зарубежных периодических и продолжающихся изданий в библиотеках Санкт-Петербурга» (в 1996 году вышло дополненное и переработанное второе издание этого каталога).

Наиболее значимыми изданиями первой волны эмиграции стали газеты «Последние Новости», «Возрождение», «Общее Дело», «Дин», «Россия», «Россия и Славянство», «Новое Время», а также журналы «Современные Записки», «Грядущая Россия», «Русская Мысль». Многие из них публиковали на своих страницах произведения молодых эмигрантских писателей, однако в большинстве своём ориентировались на творчество писателей старшего поколения.

Желанным местом публикации произведений молодых эмигрантских писателей стал журнал «Числа», явившийся выразителем настроений творческой молодёжи эмиграции «первой волны». Издание соединило в себе высокую эстетику дореволюционных журнальных традиций с новым исканием в русской литературе. Именно на страницах этого издания было дано название новому направлению в поэзии - «парижской ноте» (наиболее ярко оно проявилось именно в «Числах»), впервые в эмигрантской печати появилось современное определение Серебряный век (в статье Н.Оцуна ««Серебряный век» русской литературы».- 1933.- №7/8). «Числа» печатали молодых писателей, успевших зарекомендовать себя на

страницах других журналов или отдельными книгами: Г.Газданова, В.Варшавского, В.Сосинского, В.Яновского, С.Шаргуна, С.Горного, Ю.Фельзена, Б.Буткевича. Рассказы или отрывки из романов опубликовали в «Числах» несколько авторов, известных, главным образом, стихами: А.Ладинский, Б.Поплавский, Г.Раевский, А.Гинтер, Е.Бакунина, А.Штейгер, М.Горлин. Нередко появлялись новые имена: М.Агеев, А.Алферов, Л.Щербинский, Н.Татищева, Л.Часинг, Р.Пиккельный. В журнале, оставившем заметный след в русской культуре, в творческой жизни русского зарубежья, пыталось выразиться целое литературное поколение молодых эмигрантов.

Впервые «Числа» как культурное явление рассматривал Г.П.Струве в книге «Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы». С.Б.Дельвин опирался на это периодическое издание в своей диссертации для исследования становления и развития молодой эмигрантской литературы. «Числам» и в период их существования, и после их закрытия посвящались собрания, вечера. Например, в 1996 году в Доме Марины Цветаевой состоялся такой вечер: на нём представили второй номер журнала «Литературное обозрение» - блок новых публикаций о «Числах» и «численцах».

Диссертация «Молодая эмигрантская литература 1930-х годов: Проза на страницах журнала «Числа» посвящена анализу прозы молодой литературы русского зарубежья 1930-х годов. При этом творчество избранного для исследования молодого поколения эмигрантских писателей будет рассмотрено на материале прозаических текстов, опубликованных на страницах журнала «Числа».

Историография исследования. Первые попытки характеристики творческого наследия русских эмигрантов предприняли А.В.Амфитеатров (Литература в изгнании.- Белград, 1929), И.И.Тхоржевский (Русская литература: В 2-х томах.- Париж, 1946). Значимые критические обзоры зарубежной литературы первой волны принадлежат Г.П.Струве (Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы.- Нью-Йорк, 1956), Г.В.Адамовичу (Одиночество и свобода.- Нью-Йорк, 1955).

Разделы, посвящённые творчеству русских эмигрантских писателей «первой волны», есть в книгах П.Е.Ковалевского (Зарубежная Россия: История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека, 1920-1970.- Париж, 1971), М.Н.Раева (Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции, 1919-1939.- М., 1991). Литература русской эмиграции представлена в шести томах «Антологии литературы русского зарубежья» (составитель В. Лавров.- М., 1990-1991); в четырёх томах антологии «Мы жили тогда на планете другой...» (составитель Е.Витковский.- М., 1995); в антологии «Вернуться в Россию стихами...» (составитель В.Крейд.- М., 1995); в библиографическом труде А.Д.Алексеева «Литература русского зарубежья» (СПб., 1993); в двух выпусках «Литература русского зарубежья. 1920-1940» (под редакцией О.Н.Михайлова.- М., 1993-1999); в двухтомном издании «Культурное

наследие российской эмиграции, 1917-1940» (под редакцией Е.П.Челышева, Д.М.Шаховского.- М., 1994); в книге В.В.Агеносова «Литература русского зарубежья: 1918-1996» (М., 1998), в книгах других исследователей.

Следует отметить целый ряд справочников и энциклопедических словарей: Л.Фостер «Библиография русской зарубежной литературы, 1918-1968: В 2-х томах» (Бостон, 1970); В.Казак «Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года» (Лондон, 1989); сводный указатель статей «Русская эмиграция: Журналы и сборники на русском языке (1920-1980) / Под редакцией Т.Гладковой, Т.Осоргиной» (Париж, 1988); «Русское Зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни, 1920-1940. Франция: В 4-х томах» (М., 1995); «Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918-1940): Том 1. Писатели русского зарубежья; Том 2. Периодика и литературные центры; Том 3. Книги / Под редакцией А.Н.Николюкина» (М., 1997-2002); энциклопедический биографический словарь «Русское Зарубежье. Золотая книга эмиграции: Первая треть XX века» (М., 1997).

Современные исследователи (В.Крейд, О.Михайлов, В.Хрисанфов и др.) считают явление русской эмиграции так называемой «первой волны» уникальным. Уникальность эта заключается прежде всего в том, что её представители поставили своей целью (и достигли ее) сохранение национальной культуры России в чужих странах. Однако творчество писателей русского зарубежья первой волны исследовано далеко не полно. Наследие «старших» писателей рассмотрено весьма подробно. В то время как молодому поколению литераторов уделяется значительно меньшее внимание. Причина этого факта не в пренебрежении к «незамеченному поколению», а в недостаточном осмыслении принципов его творчества. Научные труды написаны лишь о самых известных представителях младшего эмигрантского поколения: Г.Газданову посвящены книга Л.Диенеша «Гайто Газданов: Жизнь и творчество» (пер. с англ. Т.К.Салбиева.- Владикавказ, 1995), диссертации Ю.В.Матвеевой «Художественное мышление Гайто Газданова» (Екатеринбург, 1996), Ким Се Унга «Жанровое своеобразие романов Г.Газданова 1930-х годов» (М., 1996); Б.Поплавскому - диссертации Е.Менегальдо «Воображаемая вселенная Бориса Поплавского (1903-1935)» (Нантер, 1981), О.В.Латышко «Модель мира в романе Б.Ю.Поплавского «Аполлон Безобразов»» (М., 1998). В диссертациях С.Б.Дельвина «Становление и развитие культуры русского зарубежья» (М., 1991), В.М.Жердевой «Экзистенциальные мотивы в творчестве «незамеченного поколения» русской эмиграции» (М., 1999) рассмотрено творчество В.Набокова, Б.Поплавского, Г.Газданова. Немало книг посвящено В.Набокову: «В.В.Набоков: Указатель литературы...» (Сост. Г.Г.Мартынов.- СПб., 2001); «В.В.Набоков. Pro et contra»: Антология (СПб, 1997); «Классик без ретуши: Литературный мир о творчестве В.Набокова» (М., 2000), А.С.Мулярчик «Русская проза Владимира Набокова» (М., 1997) и др..

Большинство молодых писателей: С.Шаршун, М.Агеев, Ю.Фельзен,

В.Яновский, А.Алфёров, С.Горный, Б.Сосинский, Е.Бакунина, другие – известны благодаря автобиографическим книгам В.Варшавского «Незамеченное поколение» (Нью-Йорк, 1956), Н.Берберовой «Курсив мой: Автобиография» (Мюнхен, 1972), Ю.Терапиано «Встречи» (Нью-Йорк, 1953), «Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924-1974): Эссе, воспоминания, статьи» (Париж – Нью-Йорк, 1987), В.Яновского «Поля Елисейские: Книга памяти» (Нью-Йорк, 1983), А.Седых «Далёкие, близкие» (Нью-Йорк, 1962), И.Одоевцевой «На берегах Сены» (Париж, 1983), Р.Гуля «Я унёс Россию: Апология эмиграции» (Нью-Йорк, 1984), З.Шаховской «Отражения» (Париж, 1975).

Выбор темы исследования, таким образом, объясняется недостаточной изученностью творчества молодых писателей первой волны эмиграции, желанием объективно разобраться в художественных особенностях литературы молодого поколения русской эмиграции 1930-х годов, стремлением дополнить новыми сведениями и интерпретациями историю отечественной культуры тридцатых годов прошлого столетия.

Актуальность исследования заключается в том, что интерес к судьбам наших соотечественников, оказавшихся по разным причинам за рубежом, в настоящее время значительно возрос, и русское зарубежье оказалось в центре пристального внимания исследователей. Ежегодно специалисты, изучающие культурное наследие русской эмиграции, находят новые, неизвестные материалы о представителях молодого эмигрантского поколения, поэтому требуется определить роль и место этих материалов в отечественном культурном процессе XX века. Объективным источником для составления суждений о наследии писателей молодого поколения являются их произведения, опубликованные в большинстве случаев на страницах периодической печати русского зарубежья. Они требуют современного прочтения, что позволит определить, какое значение имело творчество молодых эмигрантских писателей для развития русской литературы, в чём состоит его художественная ценность. Произведения многих молодых писателей малоизвестны и ещё не стали предметом подробного анализа, поэтому проблема их всестороннего исследования остаётся актуальной.

Цели и задачи исследования. Цель настоящего исследования состоит в определении своеобразия опубликованной на страницах журнала «Числа» художественной прозы молодого эмигрантского поколения русских писателей, в выявлении характерного и нового, что было свойственно мировоззрению молодых писателей и проявилось в их творчестве, в рассмотрении взглядов представителей «парижской ноты» – в тесной связи с условиями жизни, оказывавшими непосредственное влияние на формирование и развитие личностных качеств «незамеченного поколения».

Для достижения основной цели диссертационного исследования поставлены следующие задачи:

- определить место «незамеченного поколения» в литературе русской эмиграции «первой волны», проанализировав споры об

эмигрантской литературе в целом и о молодой эмигрантской литературе в частности, которые велись на страницах прессы русского зарубежья, и указав на взаимодействие молодых эмигрантских писателей со старшим поколением эмиграции;

- выявить особенности молодой эмигрантской литературы 1930-х годов в контексте русской культуры XX столетия путём изучения литературного направления «парижской ноты» и теории литературного персонализма, противопоставленную её автором Н.Оцупом – философии экзистенциализма, положения которой прослеживаются в творчестве молодых эмигрантских писателей;

- проследить развитие идей молодого поколения писателей-эмигрантов в русле религиозных исканий русской классической литературы.

Научная новизна исследования состоит в том, что для решения поставленных задач используются малоизученные страницы прозы молодого эмигрантского поколения в контексте одного периодического издания – журнала «Числа». Своеобразие молодого поколения русских эмигрантских писателей обнаружено средствами обобщающего исследования их творчества, открывающего широкие горизонты и большие перспективы. И наряду с этим то же своеобразие раскрывается путём анализа конкретных прозаических произведений. Эта «двойная проба», выявляющая макро- и микромиры творческого наследия молодых эмигрантских писателей, и должна способствовать приближению к цели диссертационного исследования.

В настоящей диссертации впервые собран весь доступный материал о «Числах», позволивший полнее выявить особенности молодой эмигрантской литературы 30-х годов XX века. Анализ прозы «численцев» в области тематики, системы образов, художественных конфликтов, формы повествования, жанровой и стилиевой специфики, а также теории литературного персонализма Н.А.Оцупа позволяет сделать вывод о том, ~~диссертация приводит к выводу~~ что основополагающим для художественного мира молодых эмигрантских писателей является духовный опыт личности, религиозный взгляд на мир, что позволяет по-новому раскрыть облик молодого поколения.

В диссертации учтены достижения в исследовании художественного творчества молодого поколения литературы русского зарубежья первой волны от его современников до наших дней.

Теоретическая и практическая значимость диссертации заключается в использовании полученных в результате исследования положений и выводов как для дальнейшего научного освоения литературы XX века, так и в практике работы образовательных учреждений при составлении учебных программ, пособий, чтении лекций, спецкурсов, факультативов по проблемам особенностей отечественной культуры. Положения и выводы, содержащиеся в диссертационной работе, представляют определённый интерес для специалистов в области литературоведения, исследующих проблемы развития духовной жизни

России после революции 1917 года.

Теоретическую и методологическую основу исследования составляют научно-теоретические разработки по истории культуры, труды философов, литературоведов, касающихся проблем эмиграции. Большое значение для исследования избранной проблемы имеет периодика и критические статьи первой волны эмиграции.

Апробация работы. Основные положения и выводы, содержащиеся в диссертации, нашли отражение в публикациях: «Теоретические проблемы литературы на страницах журнала «Числа»» (Очерки литературы русского зарубежья: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 1.- М.: МПУ, 1997); «Числа» (Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918-1940 / Том 2. Периодика и литературные центры.- М.: РОССПЭН, 2000); «Круг» (Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918-1940 / Том 2. Периодика и литературные центры.- М.: РОССПЭН, 2000).

Цели и задачи, поставленные в диссертации, определяют структуру работы, которая состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии и приложения.

Во введении обоснована актуальность проблемы исследования, определены его цели и задачи, научная новизна, теоретическая и практическая значимость.

Первая глава – «Журнал «Числа» и периодика русского зарубежья» - состоит из двух параграфов: «Споры о молодой эмигрантской литературе», «Журнал молодых – «Числа»».

В первом параграфе на материале публикаций в эмигрантской прессе рассматриваются споры об эмигрантской литературе в целом и о молодой эмигрантской литературе в частности. В диссертации анализируются различные точки зрения эмигрантских деятелей культуры по вопросу существования русской литературы за рубежом. Г.Адамович, К.Бальмонт, М.Слоним и др. скептически смотрели на развитие словесного искусства в условиях эмиграции. Им возражали Ю.Иваск, Н.Оцуп, В.Ходасевич и др.: внутри литературы русского зарубежья происходили сложные процессы, возникла проблема поколений, когда о себе заявила творческая «молодежь», появились литературные общества, писатели искали и находили новые формы художественного выражения. Однако всех критиков, несмотря на различные взгляды, беспокоила судьба русской литературы в иноземных условиях: тревожило отсутствие активного общения русской эмиграции с родиной, ⁴⁰ способность русской эмигрантской литературы органично влиться в русло европейского искусства, стать «подлинно эмигрантской» (В.Ходасевич), отсутствие борьбы художественных течений, волновала проблема смены поколений. Освещена точка зрения тех, кто признавал только литературу в эмиграции, отрицая другую половину русской литературы – советскую.

Спору о молодой эмигрантской литературе предшествует специальный анализ понятия «молодой писатель». Разные причины трагедии («незамеченности») «младших» писателей и поэтов в эмиграции

выделили участники спора: М.Алданов, В.Варшавский, В.Ходасевич – тяжёлое бытовое и материальное положение (недостаточное внимание старшего поколения, отсутствие издательства, читателя, газет и журналов молодой культуры, невозможность жить литературным заработком); Н.Берберова писала об отсутствии стиля у молодых эмигрантских писателей; М.Цетлин усомнился в возможности появления в эмиграции достойной смены старшему поколению, а Г.Газданов объявил, что молодой эмигрантской литературы не существует.

Несмотря ни на что, эмиграция была творчески жива и жизненна, и источником продолжения её жизни прежде всего была литература молодых эмигрантских писателей. С целью выяснения мнения творческих личностей о состоянии литературы в эмиграции периодическая печать проводила анкеты. В диссертации приводятся ответы на вопрос: «Считаете ли вы, что русская литература переживает в настоящее время период упадка?», который был задан в 1930 году журналом «Числа». Все отвечавшие (И.Бунин, М.Алданов, В.Вейдле, П.Пильский, М.Слоним, Г.Федотов, И.Лукаш) утверждали, что русская литература в эмиграции переживала не упадок, а то движение, которое обычно знаменует развитие. А.Ремизов в ответе на анкету, проведённую в 1931 году «Новой газетой», о «наиболее значительном и интересном произведении русской литературы за последние пять лет» назвал появление молодых писателей «самым выдающимся явлением за пять лет для русской литературы». Молодое поколение писателей-эмигрантов активно воспринимало новые тенденции, наметившиеся как в русской, так и в западной литературе, проверяло свои собственные творческие возможности, искало новых путей. Оно отошло от натуралистических или рационалистических идей, делало акцент на психологии отдельной личности, её реакции на чуждое и необычное окружение. Ценным в новом мировоззрении является внимание молодых эмигрантских писателей к духовному опыту человека, к его стремлению преодолеть возникшие на жизненном пути преграды. ««Молодежь» показала саму сущность, сам факт жизни, а не её переломные отражения в социальном и интеллектуальном плане» (В.Варшавский). Молодые авторы писали по-новому, что давало возможность называть их русскими писателями «с западной закваской» (А.Ремизов), но при этом они оставались русскими, сохранили память о том, чем была и должна быть отечественная литература в жизни человека, обогатила её «новым трепетом» (Ю.Иваск).

Во втором параграфе рассматриваются журналы молодого эмигрантского поколения, из них – подробно журнал «Числа». На выпуск собственных изданий молодых писателей, поэтов и критиков толкала необходимость: пробиться в престижные журналы эмиграции практически было невозможно. Но подобные начинания оказывались недолговечными из-за отсутствия финансовой поддержки. В разное время «молодыми» выпускались журналы «Новый дом» (1926-1927), «Новый корабль» (1927-1928), «Благонамеренный» (1926), «Встречи» (январь-июнь 1934). Самым жизнеспособным оказался журнал «Числа» (с 1930 по 1934 год вышло 10

номеров). В диссертации собран весь доступный материал об этом органе печати: рассказана история создания; обозначены цель издания (объединить на своих страницах творчество молодого эмигрантского поколения) и позиция редакции; объяснено название; представлены сведения о редакторах, спонсорах, вечерах и выставках «Чисел»; проанализирован спор по вопросу изгнания политики со страниц издания; охарактеризован состав сотрудников, отдел теории и критики журнала; указана тематика анкет.

В диссертации отмечается связь «Чисел» с журналами начала XX века («Аполлон», «Сириус», «Гиперборей»). Н.Оцуп, главный редактор журнала, хотел продолжить традиции литературного Петербурга дореволюционного периода, приблизить к ним молодое поколение русских писателей, выросшее в эмиграции, показать ему все достоинства искусства Серебряного века. Создавая «Числа», редактор как бы воздвигал мост между прошлым и будущим, устанавливая преемственность между культурой Серебряного века и русского зарубежья «первой волны», желая, чтобы «уславившаяся не мёртвая, академическая форма, а негасимый творческий дух» (В.Злобин). «Числа» пытались вывести молодых эмигрантских писателей за пределы одиночества, предлагая участие в деятельности группы, целенаправленно верили в «незрелые», несформировавшиеся таланты, не позволили стать молодому поколению «незамеченным», спасали от забвения. Критиками неоднократно отмечалось и то, что такого изящного и любовно издаваемого журнала за рубежом до появления «Чисел» не было.

Однако «Числа» не стали бы одним из лучших журналом эмиграции, если бы явились слепым подражанием русских журналов начала XX века. Новое периодическое издание представляло литературу, создатели которой обладали обновлённым мироощущением: сам факт эмиграции требовал перемен, переоценки ценностей, смены устоев творчества и средств художественной выразительности. Литература молодых эмигрантских писателей устремилась к углублённому исследованию тех процессов, которые развивались в натуре и психике человека под воздействием длительного одиночества, глубоко поражающего всю душевную жизнь человека, не способного адаптироваться к какой-либо социальной среде. Писателей интересовала не конкретная видимость вещей, не их внешний облик, а внутренняя сущность, которая представляла зачастую довольно страшную картину унылой и безысходной эмигрантской жизни (рассказ А.Алфёрова «Дурачё», В.Яновского «Тринадцатые»). Гибельный эмигрантский быт – новая, открывшаяся часть существования.

Подобное мировоззрение вызвало немало критических отзывов на страницах периодической печати. Отвечая А.Бему, М.Слониму, Г.Федотову и другим критикам, недовольным направлением журнала, Н.Оцуп подчёркивал: нельзя касаться вопросов человеческого существования, не говоря с откровенностью о том, что углубляет и возвышает жизнь. Н.Оцуп хотел создать такой журнал, где бы предпочтение было отдано сущностному, а не краткосрочному. Он

отстаивал право эмигрантского молодого писателя заниматься «вечными вопросами»: тайна бытия, религиозное начало в жизни, любовь, смерть. «Числа» не «навязывали» писателям каких-либо задач, лежащих вне литературы; они стремились через искусство, его методы постичь современную им действительность, потому «Числа» именовали себя не журналом, а «сборниками», причем, по преимуществу, литературными: изящная словесность, по мнению Н.А.Оцуца, в России всегда была вдохновительницей всех областей жизни; тяжесть самых ответственных вопросов и решений ложилась на поэтов и писателей. Редактор журнала хотел проникнуть в причины духовных катаклизмов мира, отстраняясь от каких-либо умозрительных, чуждых искусству проблем. Произведения молодых эмигрантских писателей стали «документом современной души, русской молодой души в эмиграции» (Н.Бердяев). «Числа», действительно, сыграли немалую роль в формировании литературы молодых эмигрантских писателей.

Вторая глава – «Проблематика и художественные особенности прозы «Чисел»» - состоит из трёх параграфов: «Индивидуальное своеобразие и типологические черты героев «численской» прозы», «Религиозные мотивы в прозе журнала. Особенности их художественного воплощения», «Стилистические особенности прозы «численцев». «Парижская нота»».

В первом параграфе определяется проблематика «численской» прозы, даётся характеристика героя молодой эмигрантской литературы.

Молодые эмигрантские писатели основной темой своего творчества избрали тему самоценности и значимости индивидуального уровня бытия человека и поставили перед собой задачу художественного исследования сущностной структуры человеческой души. Соответственно в центре внимания сложных художественно-эстетических исканий «численцев» оказался человек, его субъективность, внутренний, духовный мир, его драматический жизненный путь, судьба. В прозе молодых писателей русского зарубежья человек предстаёт как явление весьма противоречивое, как единство противоположностей. Художественный мир молодых эмигрантских писателей отразил дробный, лишённый цельности внутренний мир человека XX века.

Писатели «незамеченного поколения» раскрыли девиантную личность, её печальный опыт. Все потрясения, страшные деяния времени преломились таким образом в человеке, что доказывало, что «принцип зла неуловим» (Б.Поплавский). Обращённость внутрь себя в надежде найти самое лучшее нередко оборачивается открытием в своей душе тёмного хаоса, навязчивых, бредовых идей. Героя молодой эмигрантской литературы Б.Поплавский назвал «подпольным человеком».

Внимание к образу «подпольного человека» - продолжение традиций русской литературы XIX века. Это несомненное развитие образа «лишнего человека», живущего в безвоздушном, бездуховном пространстве, ощущающего неприкаянность, бесцельность существования. Отсутствие ясного осмысления собственной судьбы создавало в душе человека ничем

не заполненную пустоту, тоскливое восприятие жизни как бессмысленного обряда. Такой герой всегда неординарен, всегда имеет высокие внутренние запросы. Зачастую «подпольный человек» отвратителен: он полон самых низких и мелких чувств (зависти, неприязни к людям, желания унижить слабого). Его поведение не может порой вызывать ничего, кроме отрицательных эмоций. И всё-таки «подпольного человека» не назовёшь полным ничтожеством. Мелкий и гадкий в поступках, он оказывается совершенно иным, когда уходит в «подполье» мысли. Герои прозы молодых эмигрантских писателей - это герои своего времени, люди эпохи безверия и эгоизма, страха и отчаяния (Долголиков из одноимённого романа С.Шаршуна, Вадим Масленников из «Повести с кокаином» М.Агеева, Аполлон Безобразов из одноимённого романа Б.Поплавского).

Принципиальное значение для понимания мироощущения прозаиков «незамеченного поколения» имеют статьи В.Варшавского «О «герое» эмигрантской молодой литературы», Г.Иванова «О новых русских людях», Ю.Терпиганова «Человек 30-х годов», опубликованные в критическом отделе журнала «Числа». Человек 30-х годов, по мнению Г.Иванова, деградировал: «он не ясен самому себе», «идеи его путаны, противоречивы, пестры» (№ 7/8.- С.187-188), потому так важно было поставить вопрос о человеке 30-х годов, осознать его основные чувствования.

Анализируя противоречия духовной жизни человека 30-х годов, лишённого всяких иллюзий, мучительно ищущего смысл собственного существования и мирового бытия, молодые эмигрантские писатели нередко делали вывод, что беспечное существование человека абсурдно и при таком существовании оправдан любой поступок личности, для которой открыты все возможности; при этом доминирующим состоянием такой личности становится безысходное одиночество в «абсурдном» мире.

Тема призрачности человеческого существования, соприкосновение видимого и «сущего», действительного и воображаемого широко освещается в прозе молодых эмигрантских писателей. Особенно ярко её раскрыл Г.Газданов (рассказы «Мэтр Рай», «Водяная тюрьма»). Его герои живут в атмосфере неправдоподобия, случайностей и парадоксов, постоянной игры событий и чувств. Персонажи рассказов лишены осмысленных поступков, суждений, будто носят маски, перемещаются как марионетки. Создаётся путающая картина, где все обычное не имеет смысла. Мир оказывается «перевернутым», его обитатели выглядят призраками. Образы раздваиваются в сознании и действительности. Можно предположить, что в психопатологических явлениях (а они в рассказах Г.Газданова налицо) выражен не распад личности, а обостренный поиск своей индивидуальности. Отсюда любая рациональная картина мира может рассматриваться инсказательно, как «рационализация» никогда до конца не осознаваемых душевных стремлений: она является лишь «шифром бытия» и нуждается в истолковании. Раскрыть содержание шифра человек может только в

период глубочайших потрясений, оказавшись в пограничной ситуации, что и происходит с героем рассказа Г.Газданова «Мэтр Рай».

Абсурдность воспринимаемого мира приводила к обострѣнному переживанию течения времени: прошлое, настоящее и будущее разрывается в сознании человека – возникает ощущение «временности» как внутреннего переживания. Первичным становится «настроение», то есть форма стихийного, неразвитого сознания. Неразвитость сознания приводит к тому, что герои отдельных произведений, опубликованных в «Числах», не признают какой-либо формы времени. Отвергая и порицая настоящее, поэтизируя прошлое, возлагая преувеличенные надежды на будущее, герои отказывают себе в активности и обрекают свою жизнь на однообразную статичность, где прошлое становится настоящим, а настоящее будущим (героиня романа Е.Бакуниной «Тело», герой рассказа С.Горного «Фотографии»). Напротив, тяготение к настоящему отражает стремление героя к вечности, рождает демоническую гордыню, а потому таит в себе отверженность и обществом, и Высшими силами (герой романа Б.Поплавского «Аполлон Безобразов»).

Время стало проклятием для человека, обострѣнным ощущением падшего мира. Произведения молодых эмигрантских писателей (С.Шаршун «Долголиков», В.Варшавский «Из записок бесстыдного молодого человека», В.Яновский «Тринадцатые», другие) доказывали, что неумение жить в «едином времени» поражает душу их героев, делая их отношения с другими людьми невозможными, мучительными и безнадежно запутанными. (Интересно отметить, что даже в воспоминаниях писатели указывали на эту особенность характера эмигрантского человека 30-х годов XX века. Таким образом, произведения молодых эмигрантских писателей имеют автобиографический характер, их герои – трансформированные образы самих авторов). Люди оказались в страшном состоянии духовного разобщения, избрали единственной страстью ненависть и разрушение, забыли о чувстве любви как подлинном содержании человеческого бытия, поэтому в произведениях любовь предстаёт как нечто могучее и роковое, но не возвышающее, а опустошающее душу. Высокое чувство очень редко бывает взаимным и не соединяет пару, а разрушает союз. Более того, влюблѣнными героев можно назвать с большой натяжкой: они носители разъедающих душу сомнений, ревности, раздражения (герои рассказа Ю.Фельзена «Возвращение», романов С.Шаршуна «Путь правый», Е.Бакуниной «Тело»). Любовь между мужчиной и женщиной настолько слаба, что неизбежной становится гибель одной «половины» возникшего «дуэта» (рассказ Ю.Фельзена «Неравенство»).

Писатели раскрывали столкновение не согласующихся между собой характеров, однако авторы не склонны порицать своих персонажей. Они скорее сожалеют о случившемся, объясняя его непреодолимой противоречивостью самой природы человека. Молодые эмигрантские писатели размышляли о трагической беспомощности чувств, о телепатической душевной связанности, возникающей неведомо почему, и

отталкивании друг друга при приближении, о непонимании, о самом таинственном между людьми, которые становятся близкими, зная, что осуждены на разлуку. Речь идёт не о случайном искажении любви, а о таящейся в глубинах человеческой души склонности к ненужному самоиспепелению. Противоположности находят и разрушают друг друга – таково странное, подсознательное влечение человека.

Странная глухость к высоким чувствам – следствие непонятной двойственности внутреннего мира людей. Думается, в произведениях молодых эмигрантских писателей высказано авторское сомнение в возможности единения двух разных существ: не может быть гармоничных союзов, мир изначально и неисправимо насыщен недугами и безднами. Любовь в произведениях «численцев» становится болезнью, о которой герои, дорожа здоровьем, стараются не вспоминать, оттого жизнь их лишена гармонии, цельности. Люди, считают молодые эмигрантские писатели, разучились любить или любят скупой, признавая высокие чувства падением, слабостью, напрасно потраченным временем. У таких людей нет защиты от внешнего, всюду проникающего, соблазнительного мира. Они растрачивают себя, принимают извне чужие общие правила, идеи, желая добиться видимого благополучия.

Темы безверия, индивидуализма, отчаяния, разобщённости, характерные также для литературы и философии экзистенциализма, были рождены самой действительностью (жестоким опытом российской революции, гражданской войны, эмиграции) и личным опытом писателей.

С течением времени творческие искания молодых эмигрантских писателей всё более осознанно подчинялись задаче воплощения той новой реальности, с которой они повседневно соприкасались, поэтому определяющими оказываются понятия неукоренённости в окружающем мире, непреодолимой психологической чужеродности ему и вместе с тем абсолютной от него зависимости, поскольку отрыв от родины необратим. Молодые эмигрантские прозаики заставляют читателей соприкоснуться с жизнью во всей её неприкрашенной истине, с «подпольем», «кизанкой», «дном». Однако изображение духовной нищеты, отчаяния, нравственной деградации, интерес к низменному «подпольному» миру человеческой души были необходимы для того, чтобы показать, что писатели не принимали «бессмысленного балагана» жизни. Проанализированные произведения, опубликованные на страницах журнала «Числа», указывают на поиски авторами духовной основы бытия.

Во втором параграфе анализируется теория литературного персонализма Н.А.Оцуца, которую редактор «Чисел» противопоставил экзистенциализму на философском уровне, и религиозные мотивы в прозе молодых эмигрантских писателей, и прежде всего мотивы смерти, одиночества, жалости как средство познания «человеческой единицы».

Отличительной чертой персонализма является признание личности первичной реальностью и высшей духовной ценностью, причём «личность» понимается как духовный первоэлемент бытия. Основная задача, согласно персонализму, заключается не в том, чтобы изменить мир,

а в том, чтобы преобразовать личность, то есть способствовать её духовному совершенствованию, что позволит человеку пробудиться от глубокого сна, отказаться от жалкого прозябания, выйти из мира абсурда. Глубинный смысл человеческого существования состоит в том, чтобы «переменить тайну своей души», принять в неё Царство Божие и воплотить его на земле. В этом главное отличие персонализма от экзистенциализма, утверждающего, что мир божественный и мир человеческий принципиально несонизмеримы, поскольку вера предполагает отказ от логического мышления. Экзистенциализм основывается не на откровении, а на опыте, доступном любому человеку, потому предполагает конечность земного существования человека, невозможность его дальнейшей жизни на духовном уровне.

Н.А.Оцуп назвал свою теорию «литературным персонализмом», разумеется, неслучайно. Он говорил о персонализме как писатель и поэт, призывая творческих людей к борьбе с опустошённостью экзистенциализма, к преображению отпавшего от религиозных истоков сознания, к уничтожению эгонистического индивидуализма. Обязательным содержанием литературного персонализма, согласно Н.А.Оцупу, является принятие мира во всей сложности борьбы противоположных начал. Задумываясь о высшем смысле бытия, молодые эмигрантские писатели не могли не заглянуть в «нижние этажи» душевной жизни человека. Молодые прозаики пытались найти истину, поэтому для писателя самым главным стал «разговор с самим собой, в котором вопросы бывают важнее ответов» (Г.Адамович). Возможно, не все «эмигрантские сыновья» были религиозны, но они выбрали человека, а значит стояли на защите завещанного великим прошлым русской литературы утверждения личности и были более персоналистами, нежели экзистенциалистами.

Память о смертном часе – важная духовная ценность, которой не должен пренебрегать человек. Без твёрдого представления о смысле жизни человек не согласится существовать и скорее убьёт себя, чем останется на земле, что и делают многие герои «численских» произведений (рассказы В.Яновского «Тринадцатые», С.Горного «Три отрывка»). Авторы подводят читателя к выводу, что защитить человека от греха самоубийства сможет ясное видение цели жизни, вера в Бога. Лишь немногие способны найти правильный выход из создавшегося положения, как герой рассказа Г.Раевского «Священник из Эрки»: невольное убийство брата своей невесты, потеря возлюбленной изменяют героя, обращают его к Богу, к мысли о священном служении, спасшей будущего священника от неверного шага. Духовная ценность литературы молодых эмигрантских писателей состоит в том, что их произведения помогают осознать бессилие человека, оказавшегося в жизненном тупике.

Мотив смерти в произведениях «численцев» созвучен мотиву человеческого одиночества, которое невозможно преодолеть из-за отсутствия высоких чувств, серьёзных мыслей. Одиночество же является самым верным средством постижения своего духовного развития, позволявшим трезво осмысливать необходимость своего существования,

поэтому смерть избранной личности становится для неё порой единственным делом, спасением от пошлости и нзности. Но одновременно – и печальным прощанием с миром и собственными грёзами.

Проблема смысла земного бытия есть проблема исключительно религиозная, и решение её может быть дано лишь на высшем, духовном уровне. Всякий носитель атеистического сознания, мужественно заглянувший действительности в лицо, отважившийся довести свои убеждения до логического конца, не может не прийти к трагическому выводу, что жизнь его бессмысленна, ибо представляет собой случайный результат слепой игры бездушных и бездумных стихий (таковы Аполлон Безобразов, мэтр Рай). Цель может быть лишь у создания, одухотворённого неким Высшим началом, осмысленного Высшим разумом. Принимать это начало, этот разум – проблема веры. Недостаточная уверенность в религиозных истинах позволяет жить лишь наполовину. Искусственный мир, порочная, фальшивая жизнь – вот удел героев, погружённых в бессмысленную череду дней.

Трагические события, раздвоенность мира приводят к появлению героев-странников, одиноких в своём стремлении непременно достичь желанной цели, наполнить существование достойным смыслом. Странничество – особое духовное понятие, духовное состояние. Герой молодой эмигрантской литературы, сознание которого обращено внутрь самого себя, в надежде внутри своего сознания, своей души найти ответы на жгучие вопросы современности, стремится вырваться из порочного круга отверженности. Отсюда и рождается вера. Герой не может примириться с мыслью, что жалкое существование, неизбежно кончающееся смертью, есть единственная действительность, из которой нельзя уйти в другое измерение. Потому и появились в произведениях «численцев» герои-странники (в рассказе А.Алфёрова «Море», в романе А.Бурова «Была земля»).

По-разному в прозе «численцев» был трансформирован библейский образ Иова – страждущего праведника. Общей для многих произведений оказалась тема бесчисленных трагических испытаний и потерь. Писатели-эмигранты, в большинстве своём, раскрыли нелёгкое восхождение к тому, что для Иова было изначальным – к вере в Высшую Божественную Истину. Именно её обретение одухотворяет личность, даёт светлую перспективу её внутреннему бытию и общению с людьми. Подобное «праведничество» не врождённое свойство, а с напряжением всех сил, в мучительных скитаниях завоёванная позиция. Спасительное прозрение прокладывает новые пути – к добру, красоте. «Блудные сыновья» (здесь поневоле блудные) возвращаются на свою духовную родину. Однако эта притча, заново прочтённая, заставляет заглянуть читателя в «ад подсознания» героя, рассматриваемый литературой «незамеченного поколения» при «дневном свете» (Н.Оцуп). Стремление «численцев» познать жизнь, сущность человеческой натуры, не прикрытой «внешними одеждами», сближает творчество молодых эмигрантских

писателей с художественными открытиями М.Ю.Лермонтова, Н.В.Гоголя, Ф.И.Тютчева, Ф.М.Достоевского – писателей, религиозных по своей сути.

Важнейшим для «парижской ноты» нужно считать возврат к человеку во имя жалости. Эту жалость «сильного существа к погибающим» Б.Поплавский назвал «новой нотой литературы». «Человека жалеть надо!» - таким представляется призыв молодых эмигрантских писателей. Жалость, в русском народе отождествляемая с любовью, считается проявлением истинно христианского духа. Налицо оказывается отраженный в творчестве прозаиков «незамеченного поколения» кризис гуманизма, «ибо слишком долго русская литература говорила о жалости от Достоевского до Чехова и, может быть, вот наконец родилось христианское поколение», - именно в это хотел верить Б.Поплавский. Новый жизненный опыт и новый литературный путь дал неожиданный результат: от Достоевского и Чехова «переброшен мост» к «эмигрантским сыновьям», к целому поколению, утверждавшему жалость и сострадание. В жалости, «в форме всякого рода участия» растворяется индивидуализм, уничтожаемый духом кротости и всепрощения. Вот почему в произведениях «численцев» отсутствуют надуманность, надрыз, бравада; рассказы, повести, романы пронизаны болью, грустью, горечью. Силою своих талантов молодые эмигрантские писатели заставляли, как и Гоголь, Достоевский, Чехов, сострадать своим героям – обмелевшим Божьим созданиям.

Молодые эмигрантские писатели акцентировали внимание на религиозной морали – морали героического напряжения веры. Неслучайно Б.Поплавский отметил в молодой эмигрантской литературе «больше религиозных мотивов, больше мужества и стоической суровости» (№10.- С.205). Действительно, для того чтобы перед самым собой так безжалостно обнажать свои пороки, как это делали герои «численских» произведений вслед за героями Лермонтова и Достоевского, необходимо мужество. Авторы произведений молодой эмигрантской литературы словно наводят на души своих героев увеличительное стекло, не позволяющее рассказчику что-то утаить, сгладить, преподнести читателю в более выгодном свете. Стремясь сконцентрировать внимание читателя на внутреннем мире своих героев, авторы отвергали пейзаж, портретную характеристику, интерьер как средства художественной выразительности. Героев произведений молодых эмигрантских писателей беспокоят внутренние противоречия собственных стремлений и поступков, поэтому читатель подчас не ощущает среды, в которой происходят действия. Художественное пространство в прозе молодых эмигрантских писателей ограничено, благодаря чему появляется возможность исследовать то, что находится внутри замкнутого пространства. Пристально, доходя до мелочности, изображают авторы молодой эмигрантской литературы внутренний мир героев.

Форма созданных «численцами» произведений соответствует стремлению авторов сконцентрировать своё и читательское внимание на «душе человеческой», желающей познать себя, мир, высшие духовные

ценности. «Численцам» хотелось донести самые важные наблюдения и обобщения так, чтобы они казались явлением жизни, а не литературы. Таким образом, частное письмо, дневник и психологическая стенограмма явились наилучшим способом выражения факта духовной жизни. Повествование в произведениях подобных форм разворачивается ассоциативно. По словам Б.Поплавского, автоматическое письмо в прозаическом произведении «состоит как бы в возможно точной записи внутреннего монолога, или вернее, всех чувств, всех ощущений и всех сопутствующих им мыслей, с возможно полным отказом от выбора и регулирования их в чистой и аналогичной сложности, в которой они произносятся». Писатели молодого поколения русской эмиграции, желая приблизиться к реальной правде духовной жизни человека, где всё перемешано, где воспоминания, отрывки разговоров, переживания, размышления слиты в одно неразрывное целое, отказывались подчас от упорядочения мыслей, которое неизбежно привело бы к искажению внутренней исповеди героя, стремились к «моментальной фотографии мысли» (Г.Адамович). Большинство произведений молодых прозаиков написаны от первого лица: «Три отрывка» С.Горного, «Водяная тюрьма» Г.Газданова, «Письма о Лермонтове», «Неравенство», «Возвращение» Ю.Фельзена, «Аполлон Безобразов» Б.Поплавского, «Тело» Е.Бакуниной, «Рассказ медика» В.Яновского, «Из записок бесстыдного молодого человека» В.Варшавского, «Повесть с кокаином» М.Агеева. Молодые эмигрантские писатели стремились познать самое подлинное в человеческих переживаниях, искали правдивости, а не внешних, «формальных» успехов. Их сочинения – «настоящий человеческий документ» – интересны не только содержанием, но и личностью автора.

Таким образом, религиозные мотивы одиночества, смерти, жалости, поиска смысла жизни, странничества позволяют сделать вывод о том, что литература молодых эмигрантских писателей, испытывая влияние западных философских учений, по сути своей была истинно религиозной, развивалась в русле русской литературы XIX-XX веков. В.Ф.Ходасевич верно подметил: литература русской эмиграции в своей глубокой внутренней сущности оказалась не эмигрантской – она не была принята не только западноевропейским читателем, но и многими русскими критиками. Но несмотря ни на что, она обогащала читателя опытом и знаниями, накопленными поколением 30-х годов XX столетия, побуждала к решению вечных проблем, призывала к религиозному приятию мира, остерегала от несправедливых путей.

Именно религиозная взволнованность и искания, духовная напряжённость повлияли на пристальное внимание к духовной сущности, на внутреннее самоуглубление. Это отразилось в стремлении «численцев» сосредоточиться в своём творчестве на жизни «внутреннего человека», на его стремлении к персонализации. И чем напряжённее было приобщение к хаосу, тем сложнее было рождение звука «парижской ноты», ценного, неповторимого и важного для русской литературы 30-х годов XX столетия, но «трудно объяснимого» с точки зрения какого-либо философско-

эстетического учения. Размышления о «человеке тридцатых годов», начатые в «Числах», позволили многим представителям молодого поколения найти свою тему. Стиль жизни молодых эмигрантских писателей определил стиль художественных текстов. Немалую роль в формировании прозы молодых эмигрантских писателей сыграла «парижская нота» - знак нового звучания литературы.

В третьем параграфе анализируются стилистические особенности прозы молодых эмигрантских писателей и рассматривается влияние «парижской ноты» на прозу молодых русских писателей в эмиграции.

«Парижская нота» явилась преемницей культурного наследия Серебряного века. Новое течение русской эмиграции первой волны, как и литературные направления начала XX столетия, отражало кризис нравственных устоев, разочарованность в идеалах добра, ужас одиночества перед равнодушным обществом и неотвратимостью смерти, трагическую неспособность личности выйти за пределы своего «я». К тайнам Вечности, жизни, смерти желали прикоснуться многие молодые эмигрантские писатели. Это не было программой «парижской школы», но это стало содержанием художественной прозы писателей этого направления, что доказывается в диссертации путём анализа текстов художественного отдела «Чисел». Разумеется, «парижская нота» вышла за рамки литературных направлений Серебряного века. Следовательно, «парижская нота» не стала школой в обычном значении этого слова. Поэты и писатели нового течения не имели определённой зафиксированной программы и общих формальных методов; они не утверждали деклараций, провозглашающих возникновение нового мировоззрения, их объединяло сходство эстетических позиций, нашедших выражение в их художественном творчестве, «некое единство настроения», по словам З.Шаховской. «Нота» сделалась внутренней музыкой в душе каждого из признававших её писателей, в произведениях которых единое мироощущение соединилось с индивидуальностью манеры изложения. Значительность «парижской ноты», соответствие её духу времени держится на этой общности, на согласии.

Основоположником «парижской ноты» считают Г.В.Адамовича, поэтому она проявилась прежде всего в поэзии. Однако необходимо учитывать, что многие молодые поэты писали рассказы, повести, романы. Следовательно, «парижская нота» оказала несомненное влияние на формирование прозы молодых эмигрантских писателей, которая «носила на себе следы благословенной парижской ноты» (Н.Смирнов). Название новому исканию дал Б.Поплавский в статье «О мистической атмосфере молодой литературы в эмиграции», опубликованной во 2/3 номере журнала «Числа». В диссертационном исследовании рассматриваются основные положения «парижской ноты», высказанные Г.Адамовичем в «Комментариях», помещённых во всех номерах «Чисел». Критик размышлял о существовании творчества в современном мире. Он был склонен считать, что творчество – не ремесло, не мастерство, не умение правильно писать стихи и прозу, а создание произведений, равных

классицизм по значению. Г.В.Адамовича больше всего заботила не внешняя завершенность, гладкость мысли или логического вывода, а внутреннее единство. Он ставил перед молодыми эмигрантскими писателями задачу – не как надо и как не надо писать, а как жить и писать. Г.Адамович учил: пишите только о самом главном – о любви, о жалости, о смерти – и пишите об этом простыми словами, имеющими «вес»; простота словаря обусловлена незаменимыми словами. Таким образом, в художественной ткани произведения не должно быть ничего лишнего, различного рода «украшений». Напротив, проза должна отличаться «скромностью, сухостью, обесцвеченностью, но не бесцветностью» (Ю.Терапиано). Достаточно «приглушённой интонации, недоумённо-вопросительных оборотов, нарочитой разорванности синтаксиса» (А.Бем), чтобы проверить собственное отношение к любви, к жизни, к смерти; ощутить трагическую основу мира, трагичность положения человека в нём и тоску, ставшую следствием подобного ощущения. Это и стало главными отличительными признаками стиля произведений «парижской ноты».

Следовательно, стиль прозаических произведений молодых эмигрантских писателей отличали предельная простота, отсутствие формальных изысков и художественной цельности, совершенства. Молодые эмигрантские писатели сознательно отказывались от «правильной» прозы, от безоглядного новаторства во имя исповедальности. Проза «незамеченного поколения» – проза дневниковая, которая, не заботясь о форме, фиксировала малейшие движения внутренней жизни героев. Произведения молодых эмигрантских писателей – это своего рода записные книжки, где авторы хотели передать смутность душевных переживаний в отчётливых словах, где вещный мир и ощущения слиты воедино и где мысль, захваченная врасплох при своём рождении или в движении, в развитии, порождает стенограмму, которую читатель порой не в силах расшифровать. Близость текста к «человеческому документу» определяла и его медленный ритм, и небрежный, подчас невыразительный язык, множество недоговорённых и оборванных фраз или бесконечные периоды, обилие вводных конструкций, предложений с тире – знаком умолчания.

В прозе молодых прозаиков русской эмиграции «первой волны», появившейся на страницах «Чисел», был почти исключён элемент спокойного, объективированного описания, предельно упрощена фабульная канва. Экспрессия авторской ищущей мысли (иногда «переданной» герою-повествователю), многозначность образов, красок, деталей – общие черты прозаических произведений «парижской ноты». Прямым выражением авторского мироощущения, взглядов на жизнь становятся у многих писателей лирико-философские отступления, потому в стилистическом отношении проза молодых эмигрантских писателей – лирическая, которой был свойственен внутренний динамизм, связанный с нелёгкими духовными исканиями. Конфликт – необходимый источник любого развития – приобрёл углубленно-психологический характер. Молодые «исследователи» показали предельно правдивое и

самоуглублённое отражение распада личности с тем, чтобы избежать потери человека во Времени.

Реалистами молодых эмигрантских писателей, потерявших чувство реальности, трудно назвать, но они в своей призрачно-ирреальной, дневниковой литературе остались верны «старым ценностям», изобразив их в новом аспекте, изменив способ раскрытия «вечных тем», не забыли о «драгоценной ноше национальной культуры» (А.Блок).

В заключении диссертации подводятся итоги исследования, делаются выводы.

В приложении дано полное содержание всех десяти номеров журнала «Числа» за 1930-1934 год.

Материалы диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Летаева Н.В. Теоретические проблемы литературы на страницах журнала «Числа» / Очерки литературы русского зарубежья: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 1.- М.: МПУ, 1997.- С.123-129.
2. Летаева Н.В. «Числа» / Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918-1940: Том 2. Периодика и литературные центры.- М.: РОССПЭН, 2000.- С.496-502.
3. Летаева Н.В. «Круг» / Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918-1940: Том 2. Периодика и литературные центры.- М.: РОССПЭН, 2000.- С.210-212.

Подп. к печ. 08.11.03 Объем 1 п.л. Зак. 67 Тир. 100

Типография ООО «Фирма»МарС»

